

место, скакать, угрожать и т. п. «Ужо тебе!» Евгения — богоборчество, угроза идолу. Для Пушкина культ Петра — это национальная драма, в которой есть и светлые, и темные стороны.

Действительно, отношения Петра с православной церковью драматичны. Он, конечно, был православным человеком: подобно отцу, знал на память богослужение, певал басом на клиросе, строил храмы (иногда по собственным чертежам), вытачивал церковную утварь. Даже «разрешить» себя от постов он самовольно не посмел, испросив на этот случай разрешение у патриарха иерусалимского. Однако православие царя — бытовое, лишенное не то что экзальтации, но обыкновенной религиозной теплоты.

Основной принцип, на котором базируются реформы Петра, — принцип полезности. Применительно к церкви он означал полное подчинение ее государству, отчуждение ее доходов и земельных владений. Прагматический интерес порождал не только дурное, он способствовал веротерпимости. Истина, согласно точке зрения Петра, не принадлежит исключительно православию; она в равных или разных долях «распределена» и в других конфессиях, по крайней мере христианских.

В этой связи можно вспомнить хотя бы о сочувствии Петра гугенотам. Здесь бесспорно сказалось влияние Франца Лефорта, кальвиниста и отпрыска семьи женевских патрициев. Но Петр оставался на стороне побежденных, изгнанных гугенотов и в зрелые свои годы. Посетив в 1717 г. в Париже фаворитку и тайную супругу Людовика XIV госпожу де Ментенон, к тому времени третий год вдовешую, Петр высказал о ней такое мнение: она «имеет великие заслуги у короля и государства, коему сделала весьма много добра, а напротив того никакого зла не причинила никому, кроме гугенотов, и то по простоте и суеверию».¹⁷

Впрочем, петровская толеранция имела специфический оттенок. Будучи вполне терпимым к инославным, т. е. к евангелистам и даже к католикам (эту терпимость в своих универсалах к русскому и украинскому населению Карл XII трактовал и обличал как вероотступничество, в чем Петру пришлось даже оправдываться), царь решительно воспретил переход из православия под страхом смертной казни. Старообрядчество терпелось, но принадлежность к нему была сопряжена с разорением (двойной подушный оклад) и унижением: старообрядцам было предписано носить особое «платье отверженных» (с клеенными желтыми воротничками).

Петр не ценил человека созерцательного и ценил человека деятельного, поэтому камнем преткновения были для царя монастыри и монашество. Показателен указ от 31 января 1724 г., в котором изложено весьма своеобразное «историческое исследование» этого явления. Согласно указу, Россия будто бы вообще непригодна для монашества. Древние иноки пребывали в Палестине, Египте «и прочих зело теплых местах, и овощи для пропитания натуральные кроме трудов человеческих довольно имущи, и тако

¹⁷ Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 319.